

ДИАЛОГИ ЧЕРЕЗ МОНОЛОГ

Екатерина СИДОРЕНКО, Мария ИЛЬКЕВИЧ
Фото Алексея БИБИКОВА

ЮРИЙ ЯКОВЕНКО О ТВОРЧЕСТВЕ КАК О РАЗГОВОРЕ С САМИМ СОБОЙ

ЕГО РАБОТЫ БЫЛИ ПОДАРЕНЫ КОРОЛЕВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ЕЛИЗАВЕТЕ II И ПАПЕ РИМСКОМУ БЕНЕДИКТУ XVI. ОНИ ХРАНЯТСЯ В КОРОЛЕВСКОМ СОБРАНИИ В ШВЕЦИИ И МНОГОЧИСЛЕННЫХ МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ В БЕЛАРУСИ И ЗА РУБЕЖОМ. НИКАКОЙ МАГИИ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ – ТОЛЬКО РУКИ И ТЕХНИКА. КАКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ У СЛОВА «ТВОРЧЕСТВО», ЕСТЬ ЛИ МЕСТО СТАБИЛЬНОСТИ И КОНСЕРВАТИЗМУ В НЁМ И ПОЧЕМУ ВМЕСТО ПОДЪЁМА ЛУЧШЕ ВЫБИРАТЬ ЭКСТАЗ, ЖУРНАЛ «ГРОДНО» УЗНАЛ У ЮРИЯ ЯКОВЕНКО, ХУДОЖНИКА-ГРАФИКА, ПОЧЁТНОГО ГРАЖДАНИНА ГРОДНО, ЧЛЕНА БЕЛОРУССКОГО СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ.

– Юрий Владимирович, с чего всё началось? Какие истоки у Вашего теперь уже дела жизни?

– Воспитатели в саду, зная, что у меня хорошо получалось рисовать и лепить, просили делать «выставки», когда приезжала проверка. Аналогично было и в школьное время. В классе я снова выделялся рисованием, делал газеты на все праздники – Новый год, 8-е Марта. Кроме творческих интересов, были и другие: занимался и боксом, и футболом, и фехтованием.

В 1972 году я случайно попал в Республиканскую школу-интернат для одарённых детей имени Ивана Ахремчика. На урок пришла завуч, сказала, что приехали из Минска набирать талантливых детей в Республиканскую школу. Я не люблю упускать возможности, поэтому поехал на вступительные экзамены. Нужно было нарисовать композицию на свободную

тему, а у меня перед глазами живое мгновение из детства: мы с отцом на рыбалке, закатное солнце отражается на лице и одежде, украшает его бликами. Нарисовал своё воспоминание и прошёл.

После поступления в Республиканскую школу и переезда, было чувство, что вырвался из Гродно. Столица, моя любовь к свободе меня очень вдохновляли. Дальше была армия, а затем и Белорусская государственная академия искусств.

– В Вашей стихии были периодические бури, которые подталкивали к переосмыслению?

– Всё шло гладко, постепенно. С возрастом понял, что, наверное, в моём выборе сработал генотип. Отец учился в политехническом институте, умел хорошо чертить и писать разными шрифтами. У него был младший брат, дядя Миша, который всю жизнь был сварщиком, а мечтал быть художником,

собирался поступать в институт, но по семейным обстоятельствам не вышло.

Живопись, скульптура, гравюра захлёстывают, затаскивают. Выкладываешься и вкладываешься целиком, отдаёшь всё время и здоровье, все силы. Но зато после завершения работы стучишь себя в грудь и гордишься, что сделал всё сам, что не зря так упорно трудился. Это вряд ли сравнится с таким простым обозначением, как подъём. Гораздо ближе чувство экстаза, упоения. Многие творческие личности живут именно для этого ощущения, в котором хочется утонуть и раствориться. Не только ради выставок, хотя признание зрителя тоже важно.

– Не только ведь предрасположенность и примеры родных повлияли на Ваше желание изучать некоторые направления в искусстве?

– Во время учёбы приходит

понимание, что ты можешь, а что получается не так уж и хорошо. Видишь работы других, сравниваешь себя с ними, определяешь сильные и слабые стороны. Было понятно, что живописец из меня посредственный, а вот графика получалась. Наверное, это происходит на уровне интуиции, да и стечение обстоятельств сыграло свою роль. После третьего курса меня выбрали на поездку в Москву, там было много молодых и интересных художников, которые не стеснялись и даже жаждали экспериментов. Шокировало, что люди свободно, не боясь металла, цинка, делают свои работы. После двухмесячного трудоёмкого и вдохновляющего процесса я вернулся в Минск на четвёртый курс, показал свои смелые работы на кафедре, и мне дали полную свободу. Я творил.

«КРОМЕ ТВОРЧЕСТВА, КОНЕЧНО, Я ПЫТАЛСЯ СХВАТИТЬ ЗА ХВОСТ УБЕГАЮЩЕЕ ВРЕМЯ. ДУМАЛ, КОГДА Я УЖЕ ЭТИ ТОЧКИ И ЛИНИИ ЗАКОНЧУ».

И всё-таки завершал свои работы, выставлял их на суд зрителям и с каждым разом убеждался, что картина создаётся не для того, чтобы стоять и смотреть на неё. И не для того, чтобы слушать, что о ней говорят, хотя, конечно, тоже интересно, что зритель думает и чувствует. Картина для того, чтобы оставаться с ней один на один, а

значит – один на один с собой. Смотреть внутрь себя и не забывать оглядываться по сторонам. Это главное в моей работе.

– Получается, главный критик для своих работ – это и есть Вы?

– Как показывает история, далеко не факт, что работу могут сразу оценить, а то, что будет массовое поклонение – ещё меньше вероятности. Я давно заметил, что по приходу в Эрмитаж или Лувр, ожидаешь увидеть великое произведение и обомлеть от восхищения и белой зависти. А потом как в этой шутке: ожидание и реальность. И даже не так разочаровываешься, будто бы холодной водой облили. А так, будто бы и вовсе ничего не почувствовал. Да, оно хорошо, да, это Рафаэль, но тебе никак. А потом вдруг за угол заходишь, а там какая-нибудь маленькая работа – и вот это оно. От чего зависит признание? От внутреннего состояния на данный момент, от насмотренности и опыта, от времени?

Что мне нравится, так это конкуренция, которая стимулирует. Чувство унижения, садомазохизм

– это, конечно, не очень приятно, но зато какая встряска после такого объёма ощущений. Коллективные выставки дают возможность сравнить с точки зрения масштабности идеи, техники выполнения и отличительных черт каждого художника.

Я уважаю мнение и коллег, и зрителей. Но, думаю, если когда-нибудь скажу, что я гений, то навсегда закрою двери для дальнейшего развития. Придётся ведь держать образ, а многие работы создаются по ощущению, интуиции.

– Вы давали определение своему творчеству? Какое это явление?

– Я бы о многом рассказал, услышав этот вопрос в молодости. Тогда чувствуешь по-другому и можешь предполагать разное, ведь ещё вся жизнь впереди, думаешь, что найдёшь все ответы в будущем и не боишься бросаться высокопарными фразами. Казалось, что с возрастом вопросов без ответа должно быть меньше, но я ошибался.

Из 56 лет я занимаюсь 44 года творчеством. Но что это? Уже как

образ жизни, как ветер, как вода, любимая женщина и дети. Творчество – что-то естественное и родное, без чего не можешь в полном объёме распробовать жизнь. До сих пор не знаю, но как же чувствую...

Я люблю творчество за то, что оно даёт каждому донести что-либо публике или даже высказаться самому себе. Графика не стоит на месте, технологии становятся проще для применения. И это неплохо, так и должно быть.

«НА МОЙ ВЗГЛЯД, БЫЛО БЫ ХУЖЕ, ЕСЛИ БЫ МОЛОДЁЖЬ НЕ ИНТЕРЕСОВАЛАСЬ НОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ И БЫЛА КОНСЕРВАТИВНОЙ».

– А как приняли решение вернуться в Гродно?

– Я не собирался возвращаться. Столько лет в Минске: школа, ака-

демия, год работы на «Беларусьфильме». Даже успел снять мультипликационный фильм «Месяц».

Девяносто третий год – Советского Союза нет, полный бардак и гиперинфляция. Я работал на двух должностях: художником и художником-постановщиком на «Беларусьфильме». Получал приличную зарплату в Минске, планировал идти в академические мастерские к Георгию Поплавскому. С другой стороны, была возможность остаться работать на «Беларусьфильме». Но судьба сложилась таким образом, что в итоге из двух возможных путей я выбрал третий – уволился и поехал смотреть пустую мастерскую в Гродно.

21 марта я приехал обратно в Гродно, а 23 числа уже получил тут место. Потом меня несколько раз звали обратно в Минск, говорили, что ждут в аспирантские мастерские, что готовы помочь. Я отказался. Какой смысл это всё бросать, когда я только устроился?

– А теперь в Вашем видении будущих планов на жизнь вырисовываются идеальные линии и нужная композиция?

– Так получилось, что внутренняя стабильность меня не интересует. Ни дача, ни рыбалка.

«МОЯ СТАБИЛЬНОСТЬ – ЭТО МАСТЕРСКАЯ, НО РАЗВЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ВООБЩЕ ЕСТЬ СТАБИЛЬНОСТЬ?»

Если мы имеем в виду опыт и механику движений – да, а если мы говорим про идеи и планы – вряд ли.

В моей жизни были перестройка, развал могучей державы, вдохновение новым этапом Беларуси, экономическое чудо, а теперь и пандемия. Получается, во внешней среде тоже не найдёшь романтически знаменитой стабильности. Это интересно, ведь вырисовывается картина абсолютного всемогущества человека. Кто знает, что будет дальше, как мы сможем проявить себя.

Теперь заканчиваю серию «Аргонавты». Завершаем печать «Легендарной пары» из восьми работ, над которой я год трудился. Есть идея сделать большую выставку греческой мифологии. Эта тема имела место быть в разные времена, но Рубенс всё же остался фламандским художником, хоть у него и «Венера и Адонис», и «Даная» – свой взгляд. Вот и я хочу поделиться своим видением на эти сюжеты. Думаю, любая действительность должна пропускаться через внутренний мир человека. Это учит сопоставлять, сомневаться и анализировать. ■